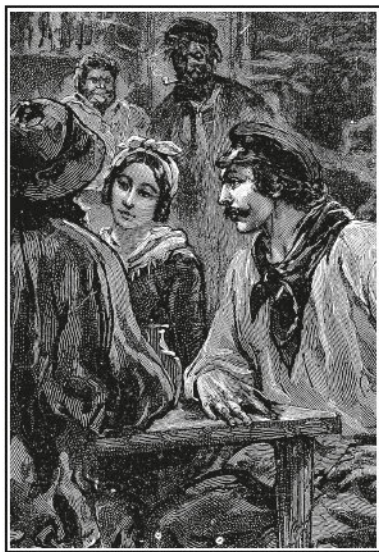

Часть первая

Глава I

КАБАК «БЕЛЫЙ КРОЛИК»

Тринадцатого ноября 1838 года, холодным дождливым вечером, атлетического сложения человек в сильно поношенной блузе перешел Сену по мосту Менял и углубился в лабиринт темных, узких, извилистых улочек Сите, который тянется от Дворца правосудия до собора Парижской Богоматери.

Хотя квартал Дворца правосудия невелик и хорошо охраняется, он служит прибежищем и местом встреч всех парижских злоумышленников. Есть нечто странное или, скорее, фатальное в том, что этот грозный трибунал, который приговаривает преступников к тюрьме, каторге и эшафоту, притягивает их к себе как магнит.

Итак, в ту ночь ветер с силой врывается в зловещие улочки квартала; белесый, дрожащий свет фонарей, качавшихся под его порывами, отражался в грязной воде, текущей посреди покрытой слякотью мостовой.

Обшарпанные дома смотрели на улицу своими немногими окнами в трухлявых рамах почти без стекол. Темные крытые проходы вели к еще более темным, вонючим лестницам, настолько крутым, что подниматься по ним можно было лишь с помощью веревки, прикрепленной железными скобами к сырým стенам.

Первые этажи иных домов занимали лавчонки угольщиков, торговцев требухой или перекупщиков завалившегося мяса.

Несмотря на дешевизну этих товаров, витрины лавчонок были зарешечены: так боялись торговцы дерзких местных воров.

Человек, о котором идет речь, свернул на Бобовую улицу, расположенную в центре квартала, и сразу убавил шаг: он почувствовал себя в родной стихии.

Ночь была черна, дождь лил как из ведра, и сильные порывы ветра с водяными струями хлестали по стенам домов.

Вдалеке, на часах Дворца правосудия, пробило десять.

В крытых арочных входах, сумрачных и глубоких, как пещеры, прятались в ожидании клиентов гулящие девицы и что-то тихонько напевали.

Одну из них, вероятно, знал мужчина, о котором мы только что говорили; неожиданно остановившись, он схватил ее за руку повыше локтя.

— Добрый вечер, Поножовщик!

Так был прозван на каторге этот недавно освобожденный преступник.

— А, это ты, Певунья, — сказал мужчина в блузе, — ты угостишь меня купоросом¹, а не то попляшешь без музыки!

— У меня нет денег, — ответила женщина, дрожа от страха, ибо этот человек наводил ужас на весь квартал.

— Если твой шмель отоцал², Людоедка даст тебе денег под залог твоей хорошенькой рожицы.

— Господи! Ведь я уже должна ей за жилье и за одежду.

— А, ты еще смеешь рассуждать! — крикнул Поножовщик.

И наугад в темноте он так ударил кулаком несчастную, что она громко вскрикнула от боли.

— Это не в счет, девочка; всего только небольшой задаток...

Не успел злодей произнести эти слова, как вскрикнул, непристойно ругаясь:

— Кто-то уколол меня в руку; это ты поцарапала меня ножницами!

И, рассвирепев, он бросился вслед за Певуньей по темному проходу.

— Не подходи, не то я выколю тебе шары ножницами³, — сказала она решительно. — Я ничего тебе не сделала плохого, за что ты ударил меня?

— погоди, сейчас узнаешь, — воскликнул разбойник, продвигаясь во мраке по проходу. — А! поймал! Теперь ты у меня попляшешь! — прибавил он, схватив своими ручищами чье-то хрупкое запястье.

— Нет, это ты попляшешь! — проговорил чей-то мужественный голос.

— Мужчина? Это ты, Краснорукий? Отвечай, да не сжимай так сильно руку... Я зашел в твой дом... Возможно, что это ты...

¹ Водкой.

² Если твой кошелек пуст.

Мы недолго будем злоупотреблять этим отвратительным жаргоном и ограничимся впоследствии лишь наиболее характерными его примерами.

Это примечание, как и все остальные, принадлежит автору романа.

Перевод арготических слов и выражений в 1-й и 2-й частях «Парижских тайн» сделан Я. З. Лесюком.

³ Я выколю тебе глаза своими ножницами.

— Я не Краснорукий, — ответил тот же голос.

— Ладно, раз ты не друг, то наземь брызнет вишневый сок¹, — воскликнул Поножовщик. — Но чья же это рука, в точности похожая на женскую?

— А вот и другая, такая же, — ответил незнакомец.

И внезапно эта тонкая рука схватила Поножовщика, и он почувствовал, как твердые, словно стальные, пальцы сомкнулись вокруг его горла.

Певунья, прятаясь в конце крытого прохода, поспешно поднялась по лестнице и, задержавшись на минуту, крикнула своему защитнику:

— О, спасибо, сударь, что заступились за меня. Поножовщик хотел меня поколотить за то, что я не могу дать ему денег на водку. Я отомстила, но вряд ли сильно его поцарапала; ножницы у меня маленькие. Может, он и пошутил. Теперь же, когда я в безопасности, не связывайтесь с ним. Будьте осторожны: ведь это Поножовщик!

Видимо, этот человек внушал ей непреодолимый страх.

— Вы что ж, не поняли меня? Я сказала вам, что это Поножовщик! — повторила Певунья.

— А я громщик, и не из зябких², — ответил неизвестный.

Потом голоса смолкли. Слышался лишь шум ожесточенной борьбы.

— Видать, ты хочешь, чтоб я тебя остудил?³ — воскликнул разбойник, всячески пытаясь вырваться из рук своего противника, необычайная сила которого изумляла его. — Погоди... Погоди... Я заплачу тебе и за Певунью, и за себя, — прибавил он, скрежеща зубами.

— Заплатишь кулачными ударами? Ну что ж... Сдача для тебя найдется... — ответил неизвестный.

— Отпусти горло, не то я откушу тебе нос, — прошептал Поножовщик сдавленным голосом.

— Нос у меня слишком мал, приятель, ты не разглядишь его в темноте!

— Тогда выйдем под висячий светник⁴.

— Идем, — согласился неизвестный, — посмотрим, кто кого.

И, подталкивая Поножовщика, которого он все еще держал за шиворот, неизвестный оттеснил его к двери и с силой вытолкал на улицу, слабо освещенную фонарем.

¹ Прольется кровь.

² Разбойник, и не из трусливых.

³ Убил?

⁴ Фонарь.

Разбойник споткнулся, но тут же выпрямился и яростно накинулся на незнакомца, стройная и тонкая фигура которого не предвещала проявленной им незаурядной силы.

После недолгой борьбы Поножовщик, человек атлетического сложения, весьма искушенный в кулачных боях, называемых в просторечии «саватой», нашел, как говорится, на себя управу...

Неизвестный с поразительным проворством дал ему подножку и дважды повалил на землю.

Все еще не желая признать превосходство своего противника, Поножовщик снова напал на него, рыча от ярости.

Тут защитник Певуны внезапно изменил прием и обрушил на голову разбойника град ударов, да таких увесистых, словно они были нанесены железными рукавицами.

Этот прием, который вызвал бы восхищение и зависть самого Джека Тернера, прославленного лондонского боксера, был настолько чужд правилам «саваты», что оглушенный Поножовщик в третий раз рухнул на мостовую, прошептав:

— Ну, я накрылся¹.

— Ведь он же сдается, жальтесь над ним! Не приканчивайте его! — проговорила Певунья, которая во время этой драки робко вышла на порог дома Краснорукого. — Но кто ж вы такой, сударь? — спросила она с удивлением. — Ведь от улицы Святого Элигия до собора Парижской Богоматери нет человека, который мог бы совладать с Поножовщиком, разве что Грамотей; спасибо, если бы не вы, Поножовщик наверняка избил бы меня.

Вместо того чтобы ответить девушке, неизвестный внимательно вслушивался в ее голос.

Никогда еще его слух не ласкал такой нежный, свежий, серебристый голосок. Он попытался разглядеть лицо Певуны, но ночь была слишком темна, а свет фонаря слишком слаб.

Пролежав несколько минут без движения, Поножовщик пошевелил ногами, затем руками и наконец приподнялся.

— Осторожно! — воскликнула Певунья, снова прячась в крытом проходе, куда она увлекла и своего покровителя. — Осторожно, как бы он не вздумал отомстить вам.

— Не беспокойся, девочка, если он захочет добавки, я могу еще раз угостить его.

Разбойник услышал эти слова.

¹ Признаю себя побежденным, с меня довольно.

— Спасибо... У меня и так башка как пивной котел, — сказал он неизвестному. — На сегодня с меня хватит. В другой раз не откажусь, если только разыщу тебя.

— А, тебе мало? Ты смеешь жаловаться? — угрожающе воскликнул неизвестный. — Разве я свергузил в драке?¹

— Нет, нет, я не жалуясь, ты угостил меня на славу... Ты еще молод, но куражу тебе не занимать, — сказал Поножовщик мрачно, но с тем уважением, какое физическая сила неизменно внушает людям его сорта. — Ты отколошматил меня за милую душу. Так вот, кроме Грамотея, который может заткнуть за пояс трех силачей, никто до сих пор, поверь, не мог похвалиться, что поставил меня на колени.

— Ну и что из этого?

— А то, что я нашел человека сильнее себя. Ты тоже найдешь такого не сегодня, так завтра... Всякий находит на себя управу... Ну а коли не встретится такой человек, то есть всемогущий², так по крайней мере долбят хряки³. Ясно одно: теперь, когда ты положил Поножовщика на обе лопатки, можешь делать в Сите все, что тебе вздумается. Все девки будут к твоим услугам: людоеды и людоедки не посмеют отказать тебе в кредите... Но кто ж ты, в конце концов? Ты знаешь музыку⁴, как свой брат. Если ты скокарь⁵, нам с тобой не по пути. Я одного малого пером исписал⁶, что правда, то правда. Стоит мне прийти в ярость, как кровь ударяет в голову, и я хватаюсь за нож... Зато я оплатил свою любовь поиграть ножом пятнадцатью годами кобылки⁷. Мой срок кончился, я освобожден, чист перед дворниками⁸, и я никогда не лямзил⁹, — спроси у Певуны.

— Правда, он не вор, — сказала девушка.

— В таком случае пойдем выпьем по стаканчику, и ты узнаешь, кто я такой. Идем же и позабудем о драке.

— Ладно, позабудем о драке, ведь ты мой победитель, признаю это; ты здорово владеешь кулаками... А этот град ударов в конце!

¹ Нечестно дрался с тобой.

² Бог.

³ Священники.

⁴ Ты говоришь на арго.

⁵ Вор.

⁶ Зарезал человека.

⁷ Каторги.

⁸ Судьями.

⁹ Не воровал.

Дьявольщина! Как они были отработаны! Ничего похожего я еще не испытывал... Какой-то новый прием... Ты должен обучить меня.

— Ну что ж, попробуем еще разок, как только ты захочешь.

— Только не на мне, слышишь, не на мне! — воскликнул Поножовщик со смехом. — У меня до сих пор голова гудит. Значит, ты знаком с Красноруким, раз был в крытом проходе его дома!

— С Красноруким? — переспросил неизвестный, удивленный вопросом, и добавил равнодушно: — Понятия не имею, кто такой этот Краснорукий; вероятно, не он один живет в этом доме?

— Вот именно, что один... У Краснорукого есть причины не любить соседей, приятель, — сказал Поножовщик, как-то странно ухмыляясь.

— Что ж, тем лучше для него, — заметил неизвестный, которому, видно, претил этот разговор. — Для меня что Краснорукий, что Чернорукий — один черт. Я о таких и не слыхивал. Шел дождь, я забежал в какой-то проход, чтобы не промокнуть. Ты хотел побить эту несчастную девушку, а вышло, что я побил тебя, вот и весь сказ.

— Правильно, твои дела меня не касаются; те, кто нуждается в Красноруком, не кричат об этом на всех перекрестках. Позабудь о нем.

Обратившись затем к Певунье, он сказал:

— Честное слово, ты славная девушка: я шлепнул тебя, ты ударила меня ножницами — пошутили, и ладно. А ты хорошо сделала, что не подзуживала этого полоумного, когда я свалился к его ногам и мне уже было не до драки... Пойдешь выпить чего-нибудь с нами? Победитель платит! Кстати, приятель, — обратился он к неизвестному, — вместо того чтобы дерябнуть купоросу, не лучше ли скоротать вечеруху у хозяйки «Белого кролика»? Это недурной кабак.

— По рукам... я плачу за ужин. Пойдешь с нами, Певунья? — спросил он у девушки.

— Спасибо, сударь, — ответила она, — я была очень голодна, а от вашей потасовки меня чуть не стошнило.

— Полно, полно, аппетит приходит во время еды, — проговорил Поножовщик, — к тому же жратва в «Белом кролике» что надо.

И все трое в полном согласии направились в таверну.

Во время борьбы Поножовщика с неизвестным какой-то угольщик огромного роста, притаившийся в крытом проходе соседнего дома, с беспокойством наблюдал за дракой, не помогая, как мы знаем, ни одному из противников.

Неизвестный, Поножовщик и Певунья направились к таверне, угольщик последовал за ними.

— *Будьте осторожны, монсьёр!*

Когда разбойник и Певунья вошли в кабачок, к неизвестному, шедшему последним, приблизился угольщик и сказал ему по-английски тихо, почтительно, но с явной укоризной:

— Будьте осторожны, монсеньор!

Неизвестный пожал плечами и присоединился к своим спутникам.

Угольщик остался на улице у двери кабака: напрягая слух, он время от времени поглядывал в щелку толстого слоя испанских белил, которыми в подобных заведениях покрывают внутреннюю сторону стекол.

Глава II

ЛЮДОЕДКА

Кабак «Белый кролик», расположенный почти на середине Бобовой улицы, занимает нижний этаж высокого дома, фасад которого прорезан двумя опускающимися окнами.

Над дверью, ведущей в темный сводчатый проход, висит продолговатый фонарь, на треснутом стекле которого выведены красной краской следующие слова: «Здесь можно переночевать».

Поножовщик, неизвестный и Певунья вошли в таверну.

Представьте себе обширную залу под низким закопченным потолком с выступающими черными балками, освещенную красноватым светом дрянного кенкета. На оштукатуренных стенах видны кое-где непристойные рисунки и изречения на арго.

Земляной пол, пропитанный селитрой, покрыт грязью; охапка соломы лежит вместо ковра у хозяйской стойки, находящейся справа от двери под кенкетом.

По бокам залы расставлены по шести столов, прочно приделанных к стенам, так же как и скамейки для посетителей. В глубине залы — дверь на кухню; справа от стойки — выход в коридор, который ведет в трущобу, где постояльцы могут провести ночь за три су с человека.

Теперь несколько слов о Людоедке и о посетителях ее кабака.

Прозвище хозяйки — мамаша Наседка; у нее три занятия: сдавать койки бездомным, содержать кабак и давать напрокат одежду несчастным девушкам, которыми кишат эти омерзительные улицы.

Хозяйке лет сорок. Она высока ростом, крепка, дородна, красноморда, а на подбородке ее торчат жесткие волоски. Грубый голос Людоедки, ее толстые руки и широченные ладони говорят о незаурядной силе; поверх чепца она носит старый красно-желтый платок

и завязывает на спине скрещенную на груди шаль из кроличьей шерсти; подол ее зеленого шерстяного платья доходит до черных сабо, не раз опаленных на жаровне, что стоит у ее ног; цвет лица Людоедки смуглый с багровым румянцем, говорящим о злоупотреблении ликерами. Плакированная свинцом стойка заставлена жбанами с набитыми на них металлическими обручами и разной величины оловянными кружками; рядом на полке бросаются в глаза несколько бутылок в виде фигуры Императора во весь рост. Налитые в них розовые или зеленые напитки с примесью спирта известны под названием «Идеальная любовь» и «Утешение».

Жирный черный кот с желтыми глазами, свернувшийся клубком возле хозяйки, кажется хранителем этих мест.

А в силу контраста, который показался бы невысказанным всякому, кто не знает, что человеческая душа — книга за семью печатями, из-за старых часов с кукушкой торчит ветка освященного букса, купленного Людоедкой в церкви в день Светлого Воскресения.

Двое мужчин в отрепьях, со зловещими рожами и взъерошенными бородами, почти не притронулись к поданному им вину; они переговаривались между собой, то и дело тревожно озираясь.

Один из них, с очень бледным, почти бескровным лицом, часто надвигал до самых бровей свой засаленный греческий колпак и тщательно прятал левую руку, стараясь по возможности скрыть ее, даже когда приходилось ею пользоваться.

Неподалеку от них сидел юноша, едва достигший шестнадцати лет, с безбородым, худым, болезненным лицом и угасшим взглядом; его длинные черные волосы падали на плечи: этот подросток — олицетворение ранних пороков — курил короткую пенковую трубку. Привалившись спиной к стене, заложив руки в карманы блузы и вытянув ноги вдоль скамьи, он вынимал изо рта трубку лишь для того, чтобы присосаться к горлышку стоящей перед ним бутылки водки.

Другие завсегдатаи кабака — и мужчины и женщины — ничем не привлекали внимания; у одних были свирепые, у других отупевшие лица, здесь шло грубое, непристойное веселье, там стояла мрачная и гнетущая тишина.

Таковы были посетители кабака, когда неизвестный, Поножовщик и Певунья вошли в залу.

Все трое играют такую важную роль в нашем повествовании, характер каждого из них столь ярок и своеобразен, что мы более подробно остановимся на каждом из них.

Поножовщик — человек высокого роста и атлетического телосложения; у него светлые, белесоватые волосы, густые брови и огромные ярко-рыжие бакенбарды.

Загар, нищета, тяжкий труд на каторге придали лицу Поножовщика темный, желтовато-коричневый цвет, свойственный людям этого сорта.

Несмотря на устрашающее прозвище, черты его лица выражают не жестокость, а скорее необузданную отвагу, хотя задняя, чрезмерно развитая часть черепа свидетельствует о чувственности и склонности к убийству.

На Поножовщике потрепанная синяя блуза и плисовые штаны, видимо бывшие некогда зелеными, ибо цвет их трудно различить под толстым слоем грязи.

В силу какой-то странной аномалии личико Певуньи принадлежит к тому целомудренному, ангелоподобному типу, который остается неизменным среди разврата, как будто человеческое существо бессильно изгладить своими пороками печать благородства, запечатленную Богом на челе иных избранных натур.

Певунье шестнадцать с половиной лет.

У нее чистый, белоснежный лоб и лицо безупречно овальной формы; длинные, слегка загнутые ресницы наполовину затеняют ее большие голубые глаза. Пушок ранней юности покрывает округлые румяные щеки. Ее алый ротик, тонкий и прямой нос, подбородок с ямочкой ласкают взор своим изяществом. На ее нежных, как атлас, висках закругляются две великолепные пепельные косы, которые, оставив на виду розоватые, как лепестки роз, мочки ушей, исчезают под тугими складками ситцевого платка в голубую клетку, завязанного по-простонародному надо лбом.

Ее красивая шейка ослепительной белизны охвачена маленьким коралловым ожерельем. Под платьем из коричневого бомбазина, слишком для нее широким, угадывается тонкая, округлая и гибкая, как тростник, талия, дешевенькая оранжевая шаль с зеленой бахромой перекрещивается на ее груди.

Голос Певуньи недаром поразил ее неизвестного защитника. В самом деле, этот нежный, звонкий, мелодичный голос обладал такой чарующей силой, что проходимцы и падшие женщины, среди которых жила эта обездоленная девушка, нередко умоляли ее спеть что-нибудь, слушали песню затаив дыхание и прозвали девушку Певуньей.

У Певуньи имелось еще одно прозвище, которым она была обязана девственной чистоте своего облика, а именно Лилия-Мария, что означает на жаргоне — Пречистая.

Попробуем передать читателю испытанное нами странное чувство, когда среди мерзких жаргонных слов, говорящих о краже, крови, убийстве, слов, еще более отвратительных и страшных, чем те по-

нения, которые они выражают, мы обнаружили метафору «Лилия-Мария», проникнутую поэзией и наивным благочестием.

Так и кажется, что видишь прекрасную лилию, расцветшую на ниве злодеяний и возносящую к небу свою белоснежную душистую чашечку!

Диковинный контраст, странная случайность! Создатели этого жуткого языка поднялись здесь до истинной поэзии, наделив особым очарованием тот образ, который жил в их душе.

Размышляя о других контрастах, которые нередко нарушают ужасающее однообразие жизни закоренелых преступников, невольно приходишь к мысли, что иные, так сказать, врожденные принципы морали и благочестия зажигают порой яркий свет в самых черных душах. Негодяи без проблеска человечности довольно редки.

Защитнику Певуны (назовем неизвестного Родольфом) было на вид лет тридцать пять — тридцать шесть; ни средний рост его, ни стройная, на редкость пропорциональная фигура не предвещали, казалось, той поразительной силы, которую он проявил в борьбе с атлетически сложенным Поножовщиком.

Определить подлинный характер Родольфа нелегко — столько странных противоречий в его внешности.

Черты его правильны, красивы, быть может, даже слишком красивы для мужчины.

Матовая бледность лица, большие желтовато-карие глаза, почти всегда полуприкрытые и окруженные синеватой тенью, небрежная походка, рассеянный взгляд, ироническая улыбка — все это, казалось, говорило о человеке пресыщенном, здоровье которого подорвано жизнью в роскоши и аристократическими излишествами.

И однако, своей изящной белой рукой Родольф только что сразил одного из самых сильных и грозных разбойников этого разбойничьего квартала.

Мы употребили выражение «аристократические излишества» потому, что опьянение благородным вином резко отличается от опьянения каким-нибудь отвратительным, смешанным со спиртом пойлом, — словом, потому, что в глазах наблюдательного человека излишества различны не только по своим проявлениям, но и по самой природе и сущности.

Иные складки лба изобличали в Родольфе глубокого мыслителя, человека преимущественно созерцательного склада... и вместе с тем твердые очертания рта, властная, смелая посадка головы говорили о человеке действия, чья отвага и физическая сила неизменно оказывают неодолимое влияние на толпу.

Нередко в его глазах сквозила глубокая печаль, а выражение лица говорило о сердечном участии и трогательной жалости. А иной раз взгляд Родольфа становился хмурым, злым, в лице появлялось столько презрения и жестокости, что не верилось, будто этому человеку присущи добрые чувства.

Читатель узнает из продолжения этого повествования, какого рода события и мысли вызывали у Родольфа столь противоречивые чувства.

В борьбе с Поножовщиком он не проявил ни гнева, ни ненависти к недостойному противнику. Уверенный в своей силе, в своей ловкости и проворстве, он испытал лишь насмешливое презрение к неотесанному верзиле, который не мог противостоять ему.

В дополнение к портрету Родольфа скажем, что у него были светло-каштановые волосы такого же оттенка, как и дугообразные, благородного рисунка брови и тонкие, шелковистые усы; его немного выступавший вперед подбородок был тщательно выбрит.

Впрочем, благодаря тому, что Родольф прекрасно усвоил манеры и язык окружающей среды, он ничем не выделялся среди завсегдатаев Людоедки. Его шея столь же совершенной формы, что и у индийского Бахуса¹, была небрежно повязана черным галстуком, концы которого ниспадали на выцветшую синюю блузу. Его грубые башмаки были снабжены двойным рядом шипов, — словом, за исключением рук Родольфа с их редким изяществом, ничто во внешности этого человека не бросалось в глаза; только решительный вид и, если можно так выразиться, спокойная отвага выделяли его среди посетителей кабака.

Войдя в кабак, Поножовщик положил свою широкую волосатую руку на плечо Родольфа и провозгласил:

— Приветствуйте победителя Поножовщика!.. Да, друзья, этот молодчик только что отдубасил меня... Предупреждаю драчунов: не связывайтесь с ним, не то останетесь со сломанной поясницей или с расколотым кочаном². Грамотей и тот найдет на себя управу... Рукаюсь, голову даю на отсечение!

При этих словах все присутствующие — от хозяйки до последнего завсегдатая кабака — взглянули с робким уважением на победителя Поножовщика.

Одни, отодвинув стаканы и кувшины на середину стола, поспешили предложить место Родольфу на тот случай, если он пожелает

¹ Античные статуи Бахуса, установленные в Ватикане и Лувре. (Примеч. перев.)

² Головой.

сесть рядом с ними; другие подошли к Поножовщику, чтобы потихоньку выведать у него, кто этот незнакомец, что так победоносно появился в их кругу.

Наконец Людоедка обратилась к Родольфу с любезнейшей улыбкой и — вещь неслыханная, невообразимая, баснословная на пиршествах в «Белом кролике» — встала из-за стойки, чтобы выслушать пожелания своего гостя и узнать, что следует подать пришедшей с ним компании — такого внимания Людоедка никогда не оказывала даже пресловутому Грамотею, гнусному негодюю, наводившему страх на самого Поножовщика.

Один из двух мужчин, о которых мы уже говорили выше (человек с бескровным зловещим лицом, то и дело надвигавший на лоб свой греческий колпак и прятавший левую руку), наклонился к Людоедке, старательно вытиравшей стол, предназначенный Родольфу, и хрипло спросил:

— Грамотей не приходил сегодня?

— Нет, — ответила мамаша Наседка.

— А вчера?

— Вчера приходил.

— Один или со своей новой барулей?¹

— Это еще что? Уж не принимаешь ли ты меня за легавую?² Все спрашиваешь да выспрашиваешь! Неужто, по-твоему, я капаю³ на своих клиентов? — грубо возразила хозяйка.

— У меня сегодня встреча с Грамотеем, — ответил разбойник. — Дельце одно наклеывается.

— Хорошенькое, видно, у вас дельце, мокрушники⁴, другого названия вам нет!

— Мокрушники! — раздраженно повторил ее собеседник. — А кто, как не они, кормят тебя.

— Заткнись! Оставь меня в покое! — вскричала Людоедка, угрожая подним над его головой жбан с вином.

Недовольно ворча, тот уселся на свое место.

Войдя в таверну Людоедки вслед за Поножовщиком, Лилия-Мария дружески кивнула юнцу с испитым лицом.

А Поножовщик сказал ему:

— Ну как, Крючок, ты по-прежнему хлещешь купорос?

¹ Женой.

² Доносчицу.

³ Я выдаю.

⁴ Убийцы.

— Да, по-прежнему. По мне, уж лучше не хряпать вовсе и носить опорки на ходунах, чем обходиться без купороса в хомуте и бокуна в файке¹, — ответил юнец надтреснутым голосом, не меняя позы и пуская густые клубы табачного дыма.

— Добрый вечер, мамаша Наседка, — проговорила Певунья.

— Добрый вечер, Лилия-Мария, — ответила Людоедка, подойдя к девушке, чтобы осмотреть одежду, которую позволила ей поносить. — Одно удовольствие давать тебе вещи напрокат... — сказала она хмуро, придирчиво оглядев несчастную, — ты чистенькая, как кошечка... Зато я уж нипочем не доверила бы эту красивую шаль таким негодницам, как Вертихвостка и Мартышка. Правда, это я натаскала тебя, когда ты вышла из тюрьмы... и, надо признаться, во всем старом городе нет у меня лучшей выученицы.

Певунья опустила голову и, казалось, отнюдь не была горда похвалами мамыши Наседки.

— Что это, мамаша, — обратился Родольф к Людоедке. — Ничего, за вашими часами с кукушкой торчит ветка букса?

И он указал на освященную ветку, заложенную за старые часы.

— Да неужто мы должны жить как язычники? — простодушно заметила мерзкая баба.

Затем, обратившись к Марии, она спросила:

— Скажи-ка, Певунья, не споешь ли ты нам одну из своих песенок?

— Нет, нет, мамаша Наседка. Прежде всего мы поедем, — вмешался Поножовщик.

— Что прикажете подать вам, приятель? — спросила Людоедка у Родольфа, чье расположение ей хотелось завоевать, а может, и воспользоваться при случае его поддержкой.

— Спросите у Поножовщика, мамаша, он угощает, я плачу.

— Так чего ты хочешь на ужин, бездельник? — обратилась к нему хозяйка.

— Два литра вина по двенадцати сантимов, большую порцию бульонки² и три мягких краюхи хлеба, — сказал Поножовщик после недолгого размышления.

— Вижу, ты обжора, как и прежде. И всему предпочитаешь бульонку!

¹ Голодать и ходить в стоптанных башмаках, чем оставаться без водки и без табака в трубке.

² Бульонка — мешанина из мясных, рыбных и других остатков со стола слуг аристократических домов. Нам неловко приводить такие подробности, но они дают более полную картину подаваемых в кабаке блюд.